

Моей жене

*«Избавь от меча душу мою
И от псов одинокую мою».*

Псалмы

I

Кастрацией на ранчо всегда занимался Фил. Мужчина отсек оболочку мошонки и отбросил в сторону. Один за другим оттянув семенники, он надрезал обволакивающую их кожу и кинул в огонь, где ждали своего часа раскаленные клейма. Крови было на удивление мало. Через пару секунд, словно гигантский попкорн, семенники взорвались. Говорят, некоторые едят их с перцем и солью. Хитро ухмыльнувшись, Фил посоветовал молодым рабочим, помогавшим на ранчо, также отведать «устриц скалистых гор», если дела с девушками не клеились. Предложение, тем паче сделанное при работниках, заметно смутило державшего веревку Джорджа. Фил обожал бесить людей и с удовольствием выводил из себя замкнутого и скромного брата.

За исключением столь тонкого дела, как кастрация, на ранчо было принято носить перчатки, чтобы защитить руки от ожогов лассо, заноз, порезов и волдырей. В перчатках здесь клеймили, арканили и загоняли скот, бросали животным сено, ездили верхом и гнали стада. Так трудились все — только не Фил. Его не заботили порезы, волдыри и занозы, и он презирал тех, кто боялся пораниться. Руки его были сильными, жилистыми и сухощавыми.

Ковбои и другие работники ранчо заказывали перчатки из конской кожи по каталогам «Сирс Робак» и «Монтгомери Уорд» — «Сэр Пробок» и «Макаронери Уорд», как называл их Фил. После работы и по воскресеньям, когда барак насыщался влагой от стирки и бритья, а также запахом лаврового лосьона от тех, кто шел в город, обитатели ранчо корпели над бланками для заказов. Как переросшие дети, они, сгорбившись, покусывали кончик карандаша, раздумывая о весе посылок и расположении почтовых зон. Причем нередко, не справляясь с задачей, со вздохом обращались к тем, кто был ближе знаком с цифрами и буквами — тем, кто сумел закончить школу и время от времени писал письма отцам, матерям и сестрам своих товарищей.

Какое удовольствие было получить из Портленда или Сиэтла посылку с новыми перчатками и ботинками для выхода в город! С каким сладостным трепетом ждали здесь бандероли с музыкальными инструментами и пластинками для фонографа, способными разогнать тоску зимних вечеров, когда с горных вершин волками завывали ветра.

«Наша лучшая гитара. Играйте испанский бой и аккорды. Широкий гриф из черного дерева. Резонансная дека с веерными пружинами из массива ели. Нижняя дека и обечайки из палисандра. Кант из натурального рога. Непревзойденная красота!»

В ожидании посылок, преодолевавших путь в пятнадцать миль до отделения почты, ковбои снова и снова перечитывали подобные описания, и это вызывало в их душах тот же трепет, что и заполнение бланков. Кант из натурального рога!

— Что, парни, изучаете старую добрую «Книгу желаний»? — стряхивая снег с ботинок, спрашивал их Фил и вставал в проходе, широко расставив ноги и сложив руки за спиной.

Надеясь сыскать его одобрение, многие на ранчо пытались работать голыми руками, однако, оставшись незамеченными, они вновь надевали перчатки.

— Ее самую, Фил, — отвечали молодые люди, гордясь тем, что могут называть хозяина ранчо по имени, и поспешно прикрывали каталог, пока он не застал их за разглядыванием женщин на рекламе корсетов и нижнего белья.

Как же восхищала его отстраненность! Владея половиной крупнейшего ранчо в долине, он мог позволить себе все, что пожелает — «Лозьер», «Пирс-эрроу», любой автомобиль, — однако Фил не интересовался машинами. Как-то о покупке «Пирса» задумался Джордж. «Хочешь как богач-еврей выглядеть?» — спросил его брат, и больше такой вопрос не поднимался. Фил не водил машину. Подвешенное за стремя седло в длинном бревенчатом амбаре верно служило ему двадцать лет. Шпоры — чистая сталь, без щеголеватых серебряных вставок, о которых мечтали все прочие. Вместо сапог с пряжками и узорами, какие любили ковбои, — простая обувь. При этом в свое время Фил не уступал другим в езде на лошади, а с лассо управлялся лучше самого Джорджа. Несмотря на богатство и благородное происхождение, держался он просто и, как все наемные рабочие, носил комбинезон с голубой рубашкой из шамбре.

Три раза в год Джордж возил брата в Херндон стричься. Стесненный, как индеец, в узком город-

ском пиджаке и шиферно-серой шляпе, из-под которой выглядывали ястребиный нос и волевой подбородок, Фил ехал на переднем сиденье старого «рео». А после столь же неподвижно восседал в кресле цирюльника Уайти Поттера, положив на холодные подлокотники худые обветренные руки, пока клочки состриженных волос падали на белый кафельный пол.

Изящно одетый коммивояжер со сверкавшей булавкой на галстукe как-то усмехнулся, кивнув в сторону Фила. «Не стал бы над ним смеяться, мистер, — ответил Уайти. — Он вас пятьдесят раз может купить и продать, да и всех остальных в долине, кроме своего братца. Для меня честь, что он сидит в моем кресле, большая честь. — Чик-чик-чик. — Они с братом партнеры».

Больше, чем партнеры, и больше, чем братья. Во время сгона скота они ехали бок о бок и разговаривали так, будто сто лет не виделись. Братья вспоминали о былых деньках в школе, о Калифорнийском университете, где один из них получил степень, а второго в тот же год исключили, и о том, какие веселые проделки устраивал Фил над их старыми друзьями, другими студентами. Фил был светлой головой, Джордж — тугодумом.

Каждую осень братья вместе принимали решение о продаже волов или покупке жеребца, дабы улучшить поголовье верховых лошадей. Каждый год Фил с нетерпением ждал октября, чтобы вместе с Джорджем пойти на охоту. Когда ивы вдоль рек наливались ржаво-рыжим цветом, а горные вершины заволакивала дымка лесных пожаров, Фил доставал обрезанный карабин, и они с братом отправлялись в сторону гор: Фил, высокий и худощавый,

подмечающий все вокруг своими небесно-голубыми глазами, и коренастый невозмутимый Джордж, трясущийся за ним на столь же коренастой и невозмутимой гнедой. Братья заключали пари, кто первым приметит и пристрелит лося — Фил обожал лосиную печень! — а вечером разбивали в горном лесу лагерь, садились, поджав ноги, у костра и говорили о минувших деньках. Или, скажем, о том, что надо бы построить новый амбар — планы, которым не суждено было воплотиться в жизнь, поскольку для нового амбара пришлось бы снести старый. Они лежали рядом и слушали во тьме песнь крошечного ручья шириной не более человеческого шага, самого истока Миссури. Засыпали и просыпались на подернутой инеем земле.

Так продолжалось годами, а Филу нынче стукнуло сорок. Братья по-прежнему спали в большом деревянном доме, на тех же латунных кроватях, в той же комнате, что служила им когда-то детской. С того времени как те, кого Фил называл Стариками, покинули ранчо, дабы провести закат жизни в номерах лучшего отеля в Солт-Лейк-Сити, где Старик Джентльмен играл на бирже, а Старая Леди раскладывала маджонг и наряжалась по давней привычке к ужину, большую спальню ни разу не открывали. Комната почернела от выхлопов проезжавших мимо машин (с каждым днем их становилось все больше и больше), воздух в ней сделался затхлым, герань Старой Леди завяла, а черные мраморные часы давно перестали ходить.

С братьями осталась миссис Льюис, повариха, жившая в хибарке за домом; она же кое-как прибирала дом, бухтя себе под нос с каждым взмахом мет-

лы. Крошечная комнатка наверху опустела с отъездом последней из многочисленных служанок, чье присутствие в холостяцком имении могло показаться странным. Однако и поныне, когда в доме не осталось девушек, братья вели себя с поражающей благопристойностью. Джордж мылся раз в неделю: в ванную комнату он заходил одетым, запирали дверь, тихо, без плесканий и распевов, делал свои дела и в полном облачении возвращался — выдавал его лишь тянущийся шлейфом пар. Фил ванной никогда не пользовался: никто не должен был знать о том, что он вообще моется. Раз в месяц он окунался в желоб реки, известный только ему с Джорджем да однажды кое-кому еще. По дороге к реке Фил следил, не видит ли его кто, а после омовения обсыхал на солнце, поскольку полотенце в руках могло расстроить весь замысел. Весной и осенью, бывало, приходилось пробивать лед; зимними месяцами Фил не мылся. Братья никогда не видели друг друга без одежды, — ночью, перед тем как раздеться, они гасили лампу — первый электрический свет в долине.

Завтракали хозяева ранчо вместе с рабочими в задней столовой, однако обед и ужин, как и прежде, для них подавали в парадной комнате со всеми причитающимися белыми скатертями и серебряными приборами. Отказаться от старых привычек, забыть, что ты Бёрбанк — человек с хорошими связями в Бостоне, — было непросто, да и не очень-то и хотелось.

Порой Фила смущал потерянный вид брата, когда, сидя в кресле-качалке, тот подолгу оглядывал долину. Взгляд Джорджа приковывала Старик-гора,

двенадцать тысяч футов* в высоту, — возлюбленная его гора, на которую он смотрел и смотрел, покачиваясь в кресле.

— В чем дело, старина? — окликал его Фил. — Разум заплутал?

— Чего?

— Опять в себя ушел, спрашиваю?

— Нет, вовсе нет, — отвечал Джордж и медленно закидывал ногу на ногу.

— Как насчет партийки в криббедж? — Братья скрупулезно вели счет все эти годы.

Все проблемы Джорджа, полагал Фил, происходили от того, что тот не включал голову. В отличие от него брат мало читал, максимум — «Сатердей ивнинг пост». Джорджа, словно ребенка, занимали истории о природе и животных, тогда как Фил жадно глотал «Азию», «Ментор», «Сайнтифик Американ», книги о путешествиях и философские сочинения, которые в большом количестве присылали под Рождество родственники с Восточного побережья. Его острый пытливый ум приводил в замешательство торговцев и скупщиков скота. Могли ли они ожидать такого от человека, одетого, как Фил, говорившего, как Фил, от деревенщины с грубыми руками и нестриженными волосами? Однако его привычки и внешний вид заставляли незнакомцев понять, что аристократ может себе позволить быть собой.

Джордж ничем не интересовался и не имел никаких увлечений, Фил — много работал с деревом. Из струганых брусьев он сооружал краны для стогования луговых трав — полевицы, тимофеевки, клеве-

* Около 3,7 км.

ра, а также вырезал из дерева крошечные, не больше дюйма в высоту, стульчики в стиле братьев Адамов и Томаса Шератона. Подобно паучьим лапкам, двигались проворные пальцы Фила. Лишь изредка они замирали, будто задумавшись, — как если бы руки имели на кончиках пальцев свое собственное сознание. Нож нечасто выскользнул из рук Фила, а если такое и случалось, мужчина брезговал даже йодом и карболкой — едва ли не единственными лекарствами на ранчо, ибо семья Бёрбанков не верила в медицину. Раны он протирали синей банданой, хранившейся в заднем кармане штанов; порезы заживали сами собой.

Многие, кто знал Фила, сокрушались: мол, тратит таланты впустую. Управление ранчо — дело нехитрое, больше требующее грубой силы, нежели напряжения извилин, тогда как Фил был способен стать кем угодно — врачом, учителем, ремесленником, художником... Он мог подстрелить рысь и освежевать тушку, потом набить такое чучело, что таксидермистам оставалось лишь завидовать; а математические головоломки из «Сайнтифик Американ» решал с такой легкостью, что карандаш едва поспевал за быстротой его ума. Научившись по книгам играть в шахматы, Фил часами решал задачки из «Бостон ивнинг транскрипт», прибывавшего на ранчо с двухнедельной задержкой, а в кузнице ковал замысловатые вещицы по собственным эскизам. Фил был бы счастлив, если бы хоть часть его талантов досталась брату... увы, Джордж никогда ничем не загорался, а в последнее время его не радовали даже поездки в Херндон, куда он отправлялся на старом «рео» ради встреч с банкирами и обедов в ресторане «Шугар боул».

— Ну что, толстяк, научим тебя шахматам? — спросил как-то Фил, представляя совместные вечера у камина.

Прозвище выводило Джорджа из себя.

— Так себе идея, Фил.

— Почему, толстяк? Думаешь, не справишься?

— Никогда не любил игры.

— Раньше ты резался в криббедж. В пинокль вроде бы тоже?

— Ну да, ну да, было дело, — отвечал Джордж и разворачивал «Сатердей ивнинг пост», чтобы погрузиться в мир дешевой фантазии.

Фил был неплохим музыкантом. Проиграв веселый напев на вистле*, что звучал в его руках точно флейта, он отправлялся в спальню, доставал банджо и начинал играть «Алое крыло» или «Жаркие деньки в старом городе». Музыка Фил научился сам, и как же ловко теперь его проворные пальцы перебирали струны. В такие моменты в комнату порой тихонько проскальзывал Джордж, ложился на латунную кровать, что стояла напротив, и слушал — однако в последнее время перестал.

С недавних пор после песни-другой Фил приподнимался с края кровати, где он обыкновенно играл, убирал банджо, выходил из дома и направлялся к барраку тропкой среди шумящих плевел.

— Ну, что у вас тут, ребята, — говорил он, жмурясь от яркого света газовой лампы.

И всякий раз кто-нибудь из работников поднимался, освобождая ему стул, когда-то принесенный сюда из большого дома.

* Вистл — народный ирландский инструмент, свистковая продольная флейта.